

DOI 10.31029/vestdnc72/4

УДК 94(470.67)07

НЕМЕЦКИЙ УЧЕНЫЙ – МЕДИК ЯКОБ РЕЙНЕГГС О ЗАНЯТИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Б. Г. Алиев, ORCID: 0000-0001-8009-9087

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Статья посвящена историографическому анализу сведений немецкого ученого, доктора медицины Якоба Рейнеггса о занятиях народов Дагестана. Эти сведения показывают, что народы Дагестана занимались всеми отраслями хозяйства, развитие и распространенность которых зависели от местных естественно-географических и почвенно-климатических условий.

The article is devoted to the historiographic analysis of the information of the German scientist, doctor of medicine Jacob Reineggs, about the occupations of the peoples of Daghestan. This information shows that the peoples of Daghestan were engaged in all sectors of the economy, the development and prevalence of which depended on the local natural geographic and soil-climatic conditions.

Ключевые слова: Я. Рейнеггс, Дагестан, земледелие, скотоводство, садоводство, виноградарство, огородничество и бахчеводство.

Keywords: J. Reineggs, Daghestan, agriculture, cattle breeding, gardening, viticulture, horticulture and melon growing.

Дагестан издавна посещали иностранцы разных профессий и специальностей. Это путешественники, ученые, врачи, географы, ботаники, дипломаты, художники, военные и т.д. Немало иностранцев принимали российское подданство и посещали Кавказ, в том числе Дагестан, по заданию российского правительства и разных организаций, где они работали, в том числе в Российской Академии наук. Все они, будучи в Дагестане и на Кавказе вообще, собирали разнообразный материал по истории, этнографии, хозяйству, управлению, взаимоотношениям местных народов и т.д. и издавали свои работы. В обшечавказских работах, как правило, определенное место, зачастую довольно значительное, отводилось и народам Дагестана.

Конечно, работы иностранных авторов не были равнозначны по охвату различных вопросов социально-экономического и политического положения Дагестана. Одни из них были более многоплановыми, другие – менее, с поверхностным описанием поднимаемых в них вопросов.

Среди работ иностранных авторов особо выделяется труд доктора медицины Я. Рейнеггса.

Якоб Рейнеггс (Христиан-Рудольф Элих – 1744–1793 гг.), немец по происхождению, родился в Эйслебене, в Саксонии. Учился в Лейпцигском университете, в 1773 г. в университете Тирнау защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины. В 1776 г. вместе с венгерским магнатом графом Коганом отправился в путешествие по России. Осенью 1779 г. Я. Рейнеггс приехал в Тифлис, где служил при царе Ираклии II. Развернул кипучую деятельность: практиковал как врач, руководил монетным двором царя Ираклия II, устроил типографию и пороховой завод, занимался изучением природных ресурсов Грузии. В 1782 г. был привлечен на русскую службу ген. Г.А. Потемкиным-Таврическим и отправлен в качестве «комиссионера» при карт-

ли-кахетинском и имеретинском царях. В 1783 г. был отправлен на Кавказ, некоторое время служил в Астрахани, затем в Петербурге ученым секретарем медицинской коллегии в Екатерининской врачебной школе. Я. Рейнеггс пять раз посещал Кавказ, в том числе Дагестан (в конце 1770-х и начале 1780-х годов).

На основе всего виденного и собранного материала Я. Рейнеггс в 1786 г. написал труд «Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus» («Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа»), изданный уже после его смерти на немецком языке в 1796 г. (Gotha und Spt.). В Государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге хранится рукопись труда Я. Рейнеггса, которая была преподнесена с посвящением Екатерине II. Разделы труда Я. Рейнеггса, имеющие отношение к истории Дагестана, в 1992 г. были опубликованы проф. В.Г. Гаджиевым в составленном им сборнике «Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв.», которым пользуемся и мы в своей статье.

В первой части сочинения Я. Рейнеггса много исторических, географических и этнографических сведений о Дагестане, его народах, владениях и обществах. Среди них, конечно, имеются и сведения о занятиях народов Дагестана, на которых мы и остановимся, так как они представляют большой интерес как весьма ценный источник, раскрывающий экономическое развитие Дагестана в XVIII – начале XIX в.

Свое описание дагестанских владений Я. Рейнеггс начинает с Северного Дагестана, где находились три кумыкских феодальных княжеств: Эндиреевское, Аксаевское и Костековское. Но он начинает описание не с них, а с двух этнических групп, названия которых не встречаются в источниках и в работах других авторов. О первой из них Я. Рейнеггс писал: «Как река Вивюнь (?) отделила китов от чеченов, так сих последних отделяет она от другого народа, которой оксунгуры называется и считает в себе около 800 дворов» [1, с. 250]. Что речь идет об этнической группе, занимающей часть территории Кумыкской плоскости (или Засулакской Кумыкии), говорят слова Я. Рейнеггса о том, что «они (оксунгуры. – Б.А.) занимают под собою широкую и пространнейшую долину даже до подошвы гор». Но главное в его сведениях это то, что «поля их до самого левого берега реки Яксая (одна из рек Засулакской Кумыкии. – Б.А.) к востоку простираются, говорят они кумык-татарским (тюркским. – Б.А.) языком, *скотом и землею изобилуют*» (курсив наш. – Б.А.) [1, с. 250]. Значит, оксунгуры как одна из этнических групп Засулакской Кумыкии занимались земледелием и скотоводством, занятию которыми способствовали благоприятные естественно-географические условия – наличие хороших плодородных полей на равнине, доходившие вплоть «до подошвы гор», умеренный климат и вода для полива полей.

Речь в тексте Я. Рейнеггса идет о качкалыках – чеченском населении Аксаевского княжества, живших ранее в «понизовье Сунджи и Терека», часть которых «была выведена аксаевскими владельцами и поселена на их землях у подножия Черных гор между Сунджемю и Аксай-рекою, на известных условиях, под названием качкалыков, что значит: шесть деревень» [2, с. 239]. О них писал еще в 1732 г. кизлярский комендант Л.Ф. Еропкин. Обратив на это внимание, Н.Г. Волкова писала: «Источник называет деревни Сику(?), Наемберды, Апонгур (Ойсунгур), Кошкельды, Али-аул (Аллерой?), Новрус-аул». И далее, продолжая описание Качкалыка, она отметила, что «по свидетельству Гюльденштедта, дискрикт Качилик, т.е. Качкалык, находился между устьем р. Сунджи и р. Апай (Аксай)» [3, с. 123; 4, с. 479; 5, с. 179]. Как видим, населенный

пункт Опунгур Н.Г. Волкова отождествляет с названием Ойсунгур, что у Я. Рейнеггса дается как Оксунгур.

Описание другой этнической группы Засулакской Кумыкии показывает, что Я. Рейнеггс под Оксонгуром имел в виду селение, которое дано в перечне Л.Ф. Еропкина. Приведем эти слова его, так как здесь он и говорит о другой этнической группе: «Утесистая известная поперечная гора, лежащая к Н.О. с восточной стороны отделяет сих оксунгуров от другого селения, на 1000 дворов состоящего, которое Истису называется, имя сие означает теплую воду, ибо при подошве горы, на которой построена самая величайшая их деревня, бьет кипящий ключ, весьма отменного свойства» [1, с. 250].

Далее Я. Рейнеггс Истису называет страной, говорит, что жители его «имеют свое происхождение от кумук-татаров (кумыки – это основное население Засулакской Кумыкии. – Б.А.), живущих в разсуждении их к востоку, с коими и язык имеют одинаковый». Отметив, что эта часть Кумыкской равнины «гористая», Я. Рейнеггс писал, что поэтому «она пашенного землею не весьма изобильна» и поэтому жители ее «наиболее в скотоводстве, а особливо в размножении овец упражняются, сверх того доброй присмотр за пчелами приносят им на зеленых и безлесных их горах великое множество меду и воску, который они отчасти меняют на пшено и ячмень, а отчасти употребляют на заплату податей своих» [1, с. 250].

Можно полагать, что речь здесь идет о Салатавии, расположенной в основном в горной части, где действительно население занималось разведением скота, и главным образом овец, о чем писали многие авторы XIX в. Так, в 1812 г. подполковник А.М. Буцковский, который хорошо знал Дагестан, так как с 1810 г. руководил собиранием материалов для составления карты Грузии и в том же году был командирован на Кавказскую линию для описания Кавказской губернии, где он собирал материал и по горным обществам, писал, что салатавцы «расположены большею частью по левому берегу Койсу в горах до высокого кряжа оных» [2, с. 243].

Остановившись на занятиях салатавцев, А.М. Буцковский отмечал, что «главное их имущество состоит в овечьих стадах» [2, с. 243]. Я. Рейнеггс писал, что жители страны Истису за плату арендовали для пастбы своих овец у своих же старшин (имеются в виду кумыкские феодалы) «их поля зимою», «когда снега принуждают их оставлять свои горы» [1, с. 251].

Об этом А.М. Буцковский также писал, отметив при этом, что салатавцы свои овечьи стада зимой «отгоняют в понизовья кумыков», так как овечьи стада их «зимою в горах не находят пастбы» [2, с. 243].

И в дальнейшем салатавцы продолжали заниматься овцеводством, что было отмечено рядом авторов. Так, барон Р.Ф. Розен, будучи начальником 21-й пехотной дивизии и левого фланга Кавказской линии, в 1830 г. отмечал, что салатавцы овец тщательно разводят во множестве» и «овцеводство составляет их все богатство и роскошь» [6, с. 289]. При этом и он писал, что для содержания овец салатавцы в зимнее время нанимали пастбища «кумыкам принадлежащие» [6, с. 289].

В том, что в описании территории Я. Рейнеггсом речь, видимо, идет о Салатавии, нас убеждает и то, что, как он писал, «к северу» от нее лежит «страна Борагун» (Брагуни. – Б.А.) и «сего имени деревня, состоящая из 300 дворов, и находящиеся в 4-х верстах от оной к северу сильные горячие ключи» [1, с. 252].

Значит, выходит, что описанная «деревня Истису» не находится, по Я. Рейнегтсу, в Брагунах. А Брагуни, как известно, находились на территории нынешнего Гудермесского района Чечни, на левом берегу Сунжи. Там были и источники горячей воды, описанные еще в 1717 г. Щобером. Но, как видно из источников, горячая вода находилась и на территории Эндиреевского княжества. Описывая поход русских стрельцов в 1604 г. во главе с Бутурлиным и Плещеевым, Н.М. Карамзин, основываясь на источниках, писал, что русские войска «не встречая сопротивления», заняли Эндирей и Теплые воды [7, с. 36–37; 8, с. СХ]. Значит, Теплые воды находились недалеко от Эндирея и, естественно, это была территория Засулакской Кумыкии или подвластная Эндиреевскому княжеству территория Салатавии.

Практически об этом говорит и Ш.М. Мансуров, автор монографии о Салатавии. Он пишет, что в прошлом на территории Салатавии жили и «тюркские этнические элементы, известные под именем тюмены и гуены» [9, с. 29]. До переселения на территорию Засулакской Кумыкии тюмены проживали в низовьях Терека, а гуены – в долине речки Гунтиймес (Гудермес) [8, с. ХСII]. В Салатавии есть даже местность под названием Гуенкала как свидетельство проживания здесь указанных «этнических элементов». Гуенкала – это и одно из старинных названий с. Эндирей (Андрей-аул), в котором с появлением здесь тюменов и гуенов образовались и кварталы Тюмен-аул, Тюмен-чагар и Гуен. Есть квартал Тюмень и в другом засулакском селении – Аксай.

То, что речь в описании Я. Рейнегтса Истису идет не о Брагунах, подтверждают и сведения А.М. Буцковского, который писал, что «владение Брагунское граничит к западу мирных, к югу и востоку немирных чеченцов, к северу же с Кизлярским уездом (т.е. эта территория находится далеко от описываемой территории Я. Рейнегтсом. – Б.А.). Оно населено большею частью кумыками и черкесами, частью же выходцами разных колен и принадлежит кумыкского рода князьям» [2, с. 244]. Но главное, не совпадающее с утверждением Я. Рейнегтса, что жители Истису занимались главным образом скотоводством и в особенности овцеводством, это слова А.М. Буцковского, что жители Брагуни «не столь изобилуют в скотоводстве, как соседы их» [2, с. 244–245].

Как было сказано выше, основными политическими структурами Засулакской Кумыкии были княжества Эндиреевское, Аксаевское и Костековское, которые и описал Я. Рейнегтс после описания указанных выше этнических групп.

Наряду с другими вопросами наш автор поднимает и вопросы о занятиях населения этих княжеств. Причем каждое княжество описано отдельно. Начинает Я. Рейнегтс их описание с Аксая, названного им «местечком» Яксай, по одноименной реке, «в коем считается 1200 дворов» [1, с. 252]. Я. Рейнегтс прежде всего отмечает занятие аксаевцев скотоводством и «сверх» этого, «кроме разбоя», «между ими кузнецы и другие ремесленные люди» имеются [1, с. 253].

Отмечено Я. Рейнегтсом широкое развитие торговли Аксая. «Посреди сего местечка (Аксая. – Б.А.), – писал он, – стоит весьма пространный рынок (базар) со множеством лавок для армянских купцов в великом множестве здесь торгующих» [1, с. 253].

Действительно, Аксай был одним из центров торговли в Дагестане, куда прибывали для торговли не только дагестанцы, но и народы Северного Кавказа и русские купцы, с которыми торговали все северокавказские народы. «Производимый в оном торг, – писал А.М. Буцковский, – привлекает туда многих соседственных чеченцов» [2, с. 242]. А армянские купцы, торговавшие здесь, выезжали для торговли и в горные общества Даге-

стана, продавали там товары фабрично-заводского производства и приобретали изделия ремесла и домашнего производства, а также различные продукты земледелия, скотоводства и садоводства.

Особо подчеркивает Я. Рейнеггс развитие в Аксаевском княжестве земледелия, о котором он писал: «Земледелие около Яксая с нарочитом успехом производится (курсив наш. – Б.А.) и почти одно сие место снабждает потребным хлебом город Андрией» (Эндирей. – Б.А.) [1, с. 253].

Писал Я. Рейнеггс и о развитии в Аксаевском княжестве садоводства и огородничества. Он отмечал: «Сады также в небрежении (без ухода. – Б.А.) у них не остаются, ибо с них капуста, репа и другие земные плоды в великом множестве роятся». Интересно замеченное Я. Рейнеггсом отсутствие вина, а также виноградников – «ниплодоносных деревьев для того (потому. – Б.А.), что беспокойству и опасности подверженное стяжение запрещает владельцам (садов. – Б.А.) трудиться для потомков своих» [1, с. 253]. Я. Рейнеггс здесь имеет в виду запрет производить и пить вино религией ислама.

Интересные сведения собрал Я. Рейнеггс об Эндиреевском владении и его центре Эндирее. Он писал о нем так: «На правом берегу реки Адам-суи, при самом том месте, где она оставляя горы, по равнинным полям начинает свое течение, находится знатный город Андрией (Эндирей. – Б.А.), состоящий из 3000 дворов. За 1200 лет оной город был известен под именем Балък, его почитали тогда столицей Тесте-Кипчака» (Дешт-и-Кипчак. – Б.А.) [1, с. 253].

Остановившись на положении Эндирея в 80-е гг. XVIII в., Я. Рейнеггс писал: «Ныне город состоит во владении разных так называемых татарских князей, из коих знатнейшие суть Мурдис-Али-бек и Тимур-бек. Жители суть по большей части магометане, однако много также между ими находится армянских и грузинских христиан, сверх же того жида весьма сильный торг здесь отправляют» [1, с. 254].

Как бы продолжая говорить о торговле, производимой в Эндирее евреями, Я. Рейнеггс писал далее, что здесь, кроме мечетей и «пространных рек», имеются «лавки и удобные караванные сараи» (своего рода гостиницы, где останавливались торговые люди, приезжавшие не только из различных владений и обществ Дагестана, но и Северного Кавказа и российских городов. – Б.А.), которые служат украшением сему городу, торг невольниками в величайшем здесь употреблении, ибо в оном месте продают все пленники, пойманные или уведенные лезгинцами, тому, кто большую за них цену объявит, или отдают обратно друзьям на выкуп» [1, с. 254].

Эндирей действительно являлся одним из крупных центров торговли невольниками и продолжал быть таковым и в последующее время. Как писал в 1812 г. А. М. Буцковский, Эндирей («Андреевское селение») – «знатнейшее на северном скате Кавказа, и, будучи по местному положению, так сказать, воротами между горами и долинами, соделалось сборным местом и главною ярманкою для торга пленными, откуда оные уже перепродаются в турецкие пристани на Черном море» [2, с. 242]. Я. Рейнеггс писал о продаже невольников жителям Кизляра, «а наиначе армене, – отмечал он, – покупают великое множество сих несчастных, которые естли чрез несколько лет работой и услугами заслужат заплаченную за себя цену, то или в отечество свое возвращаются, или селятся в оных странах, и бывают полезными соседями российского государства» [1, с. 254].

Но в Эндирее не менее была развита, и притом очень широко, торговля разнообразным товаром между народами Дагестана и Северного Кавказа в целом. Главными торговцами здесь были армяне. Как писал А.М. Буцковский, «производимый же армянами в оном

(Эндирее. – Б.А.) торг всем для горцев потребным привлекает в селение Андреевское всегдашнее стечение соседственных горцев» [1, с. 254].

Но не только торговля была развита в Эндирее. Я. Рейнеггс писал о развитии здесь и основных сельскохозяйственных отраслей, отметив при этом, что «хозяйство здесь весьма в хорошем положении, не считая овец и лошадей, множество рогатого скота отменной красоты» [1, с. 254]. Этими словами не ограничились сведения Я. Рейнеггса о занятиях эндиреевцев. Он писал далее: «Земледелие, хотя и самое лучшее (не только в Засулакской Кумыкии. – Б.А.), но сады наполняют приятностию отменных плодов плодоносных деревьев, в них великое множество как то: дын, арбузов, а особливо персиков отменно приятного вкуса» [1, с. 254].

Лучше не скажешь о развитии и земледелия, и садоводства, и огородничества. В княжестве Эндиреевском действительно были развиты все отрасли сельского хозяйства. Это был благодатный край, что подчеркивалось многими авторами, писавшими о Засулакской Кумыкии и после Я. Рейнеггса. Невозможно не привести еще раз слова А.М. Буцковского, писавшего об «Андреевском селении», что это «знатнейшее на северном скате Кавказа селение» [2, с. 242].

О третьем владении Засулакской Кумыкии – Костековском княжестве Я. Рейнеггс писал, что центр его лежит на левом берегу «знатнейшей реки, называемой Койсу» и эта «славная деревня Кусты или Костец» (Костек. – Б.А.), в которой считается 800 дворов» [1, с. 254–255]. О занятии жителей Костека он писал кратко, отметив, что это «место в разсуждении земледелия и скота весьма изобильно, сверх того находится в нем весьма выгодная рыбная ловля, почему и жители ведут жизнь весьма благополучно» [1, с. 255].

Действительно, и в этой части Засулакской Кумыкии хорошо были развиты земледелие и скотоводство, и что было характерно для нее – она была весьма богата рыбой. Как писал А.И. Ахвердов в 1804 г., Костек «лежит на реке Койсу, весьма изобильной рыбою» [10, с. 214]. Он также писал, что «доходы костековского народа состоят в хлебопашестве, скотоводстве, в овсе и в продаже в Кизляр дров, кольев в сады виноградные и леса строевого, в шелководстве, рыболовле и сеянии сорочинского пшена» [10, с. 214].

Я. Рейнеггс после описания княжеств Засулакской Кумыкии много места уделил истории Дагестана и его разных владений, и только после этого, описывая шамхальство Тарковское, остановился на занятиях его населения, подчеркивая при этом наличие хорошей и плодородной земли в этом владении. В частности, он отметил, что все поля, расположенные между рекой Инчхе на юге и Сулаком на севере, являющиеся территорией шамхальства, «так же как и гористая часть сей провинции, весьма привольны и хорошо обработаны, плодородия зеленеющих гор питает немалое количество людей и скота» [1, с. 270]. И это действительно было так. Для горных обществ Дагестана Кумыкская равнина была житницей, где они приобретали недостающее количество хлеба. «Кумыкская равнина, – писала известный дагестанский ученый – этнограф, проф. С.Ш. Гаджиева, – издавна служила житницей – поставщиком зерна, овощей и винограда для многих районов Дагестана. Кумыкским хлебом снабжалась значительная часть Дагестана. Даргинцы, аварцы и лакцы привозили кумыкам сукно, бурки, холодное оружие, гончарную и деревянную утварь и т.д., а также продукты животноводства и обменивали их на хлеб. В результате установившегося разделения труда между кумыками и народами нагорного

Дагестана у первых постепенно расширялись посевы зерновых культур, развивалось садоводство и виноградарство» [11, с. 101].

Описывая различные, наиболее крупные кумыкские села, Я. Рейнеггс, говорил и о занятиях их жителей. При этом он особо подчеркнул развитость хозяйства в с. Карабудахкент. Он писал, что «великое и многолюдное поколение Карабдуг (Карабудахкент. – Б.А.) ... богаче всех прочих почитается, потому что в нем находится великое множество овечьих стад и трудолюбивых женщин, многочисленные сады, их вкусные плоды, а именно: фигвы, яблоки, груши и орехи умножают доходы сего поколения, которое считает в себе 3000 дворов...» [1, с. 271].

При описании Казикумухского ханства, Бамматулинского владения и Салатавии Я. Рейнеггс допустил много неточностей, перепутав их состав, владельцев и названия населенных пунктов. Притом он ничего не писал о занятиях жителей этих политических структур.

Но зато при описании ряда других владений Я. Рейнеггс довольно хорошо осветил занятия их жителей. Так, останавливаясь на Дженгутаевском владении («Провинция Чингутаи»), которое в изучаемое время называлось Мехтулинским ханством, он, показав его расположение и территорию, отметил, что его правителя «для ради великого множества находящихся у него во владении деревень и для приятного и выгодного положения земли его, почитают за такого владетеля, которой при множестве народа изобилием и благоденствием наслаждается» [1, с. 273].

Благоденствие, тем более изобилие могло быть при хорошем развитии хозяйства владения, о чем и писал Я. Рейнеггс далее об этом владении. «Сие его подданные, – отмечал он, – почитаются богатейшими жителями Кавказа» (курсив наш. – Б.А.). И это он объяснял тем, что «они как в земледелии, так и в разводе винограда и садов с великим успехом упражняются» (курсив наш. – Б.А.) [1, с. 273]. В то же время Я. Рейнеггс отметил, что «в разсуждении скотоводства их бедными называют» [1, с. 273]. Но это не значит, что жители Мехтулинского ханства не содержали скот. Главное занятие их не могло обходиться без рабочего скота – быков и буйволов. И, кроме того, они содержали коров и буйволов, дававшие различные молочные продукты. Когда Я. Рейнеггс писал о бедности скотом, надо понимать это как отсутствие скота в ханстве в таком количестве, как в овцеводческих владениях и обществах Дагестана.

Не остановился Я. Рейнеггс на хозяйственной деятельности и при описании Акушадарго, Буйнака и Утамышского султанства, лишь отметив, что «вдоль по берегу реки Инче и на всей оной степи находятся еще некоторые деревни и весьма плодоносные поля, коих владельцы с величайшею покорностию платят наложенные на них подати» [11, с. 275]. Наличие «плодоносных полей», естественно, предполагает занятие земледелием, которое действительно имело место на описываемых землях плоскостного Дагестана от Инчхе и далее к северу вплоть до Сулака и далее.

Интересные сведения о занятиях населения даны Я. Рейнеггсом при описании Кайтагского уцмийства, которое он делил на «5 уездов»: 1) Къутсе, 2) Баршли, 3) Каракайдек, 4) Мурр-его и 5) Ирчаул. При описании этих «уездов» он поднимает вопрос и о занятиях населения.

Прежде всего Я. Рейнеггс останавливается на «уезде» Къутсе, и в связи с этим пишет, что он «занимает всю степь, которая от правого берега реки Инче до реки Теребаха (Дарваг. – Б.А.) простирается». И далее он разъясняет, что такое Къутсе: «Двенадцать деревень, обитаемых татарами, называемыми терекемме, собирают с плодоносных своих

полей пшеницу, ячмень, пшено, просо и хлопчатую бумагу». И далее он отмечал, что терекемейцы «также стараются разводить шелк к немалому себе прибытку, и стада им приносят знатную пользу» [1, с. 276].

Все приведенное говорит о широком развитии в Терекеме, как равнинной части Кайтагского уймийства, всех отраслей сельского хозяйства: и земледелия, и скотоводства, и садоводства, и разведение технических культур, как то: хлопководство и шелководство, приносивших наряду с другими отраслями хозяйства большие доходы.

Продолжением Терекемейской равнины было нижнее предгорье, которое также являлось благодатной частью Кайтагского уцмийства. Об этой части уцмийства Я. Рейнеггс писал: «От реки Инче даже до реки Малого Буама лежащая страна весьма лесиста, которая потом выходит на луга пространная, плодоносная и весьма приятная. А чтобы плодоносная сия земля не имела недостатку в воде, то природа оросила ее еще одною немалою рекою, Большой Буам называемою, которая, разливаясь в безчисленные ручьи, утучняет сухость земли, беспрестанными морскими ветрами причиняемую» [1, с. 276–277].

Здесь же Я. Рейнеггс отмечает постоянное увеличение пахотных полей за счет корчевания леса, которого в Кайтаге было много, им были покрыты и неизменные места, и предгорье и горы, что было подчеркнуто и Я. Рейнеггсом. Он писал: «Чем ближе упомянутая степь Къутсе (Терекемейская равнина. – Б.А.) подходит к горам, тем чаще лес становится, а некоторые горы и совсем им заросли и вся приятная сия страна ничто иное как лес один, естли бы и многочисленные жители рост ему не препятствовали и не обрабатывали бы землю с большою себе пользою» [1, с. 277].

Останавливаясь на «уезде» Баршли, Я. Рейнеггс не пишет о занятиях его жителей, а отмечает только, что они «по большей части в хорошем состоянии и промышленяют торговлею» [1, с. 277].

Но торговля не являлась единственным занятием башлинцев. Известно, что, как и жители других предгорных сел Кайтагского уцмийства, башлинцы занимались и земледелием, и животноводством. Более того, они обеспечивали хлебом не только себя, но и продавали его горным обществам Верхнего Кайтага и союза Каба-Дарго.

Нелестно писал Я. Рейнеггс о Каракайтаге, жители которого, по его мнению, «по большей части пастухи и разбойники или такие люди, которые служат постороннему какому князю из одного лишь хлеба» [1, с. 277].

Зато хорошо описал Я. Рейнеггс общество Ирчамул, который, по его словам, «почитается знатнейшим, пребогатым, плодоноснейшим уездом». По его сведениям, в Ирчамуле было 5000 семей, «которые, повинувась произвольно с великою удобностию, пользуются благословением природы, которая в раселине каждого камня питает виноградную лозу» [1, с. 277].

Действительно, Ирчамул был многолюден. Это было самое крупное по составу сел и населению общество Кайтагского уцмийства. В составе Ирчамула было более 20 сел [12, с. 150–151]. Земли ирчамульцев находились как в предгорье, так и на плоскости. Некогда – до 80-х годов XVI в. [13, с. 109] они проживали в основном на плоскости, где находились их сады и виноградники. Переселение их на занимаемые ими земли предгорья Кайтага произошло при уцмии Султан-Ахмеде. Здесь они очищали для пахоты и сенокоса «сплошные лесные массивы», выкорчевывая деревья. Именно эти земли, занятые ирчамульцами и каракайтагами, имел в виду участник посольства в Персию А.П. Волынского А.И. Лопухин, когда писал в 1718 г., что «от самого моря все место

ровное и лесом довольно, и деревни усмиевы поселены все в лесу, есть около них и поля немалые» [14, с. 31].

Я. Рейнеггс был неправ, отнеся к Ирчамулу с. Маджалис. Но для нас важно здесь не это, а то, какую характеристику он дал Маджалису и как описал занятия его жителей. «Месселим или Мечалис, – писал он, – величайшее и всем известное в Ирчамуле место, оно преимуществом пред другими особливою добротой вина, которое без сомнения было самое лучшее, естли бы жители с оным искуснее умели обходиться» [1, с. 277].

Остановился Я. Рейнеггс и на процессе изготовления вина в Маджалисе. В частности, он писал: «Они обыкновенно выжатой виноградной сок до тех пор варят, пока он наподобие сиропа сгустится, которой у них называется бушал, или дадут ему только до половины выкипеть, а после того его заквашивают, когда оный сок получит надлежащую кислоту, то они вино, смешав с розовою или другого какою благоуханною водою, употребляют его вместо лучшего питья» [1, с. 277].

Еще на что обратил внимание Я. Рейнеггс, говоря о занятиях маджалисцев, так это на то, что они, будучи мусульманами и хозяевами «своих садов», продавали виноград христианам или евреям» (последние жили в самом Маджалисе в квартале Жугьут-кьатI. – Б.А.) [1, с. 277], которые также делали из него вино.

Завершив описание «уездов» Кайтагского уцмийства, Я. Рейнеггс описал Кубачи, в котором, по его сведениям, было 1200 семей. Прежде всего, приступая к занятиям кубачинцев, он говорит как о главном их занятии о торговле, а затем перечисляет другие виды их деятельности. Он писал: «Большая часть жителей занимается торговлею, а прочие делают ружья, сабли, пистолеты и ножи и мастерством своим всем известны, золотая и серебряная их работа подобна карлсбатской и агсбургской, а как столь искусных мастеров нет ни в Персии, ни в Анатолии, то работа их везде в славе, в великом употреблении и дорого покупается» [1, с. 278].

Отмеченные выше занятия были не единственными в Кубачах. И это отметил и Я. Рейнеггс. «Женщины, – писал он, – делают тонкия шерстяныя сукна особливого рода, которые мужья их на платья употребляют» [1, с. 278]. Это соответствовало действительности, и изготовление особого сукна было распространено у кубачинцев еще раньше. В 1718 г. цитируемый выше А.И. Лопухин писал, что кубачинцы имеют «у себя немалое довольство шерсти, ис которой сукна делают сами и по их мастерству не худо делают, а шерсть у них изрядная и мягка» и «из здешних шерстей лутче ее нигде не сыщется» [14, с. 30]. И здесь же он писал, что жители Кубачи «все люди мастеровые и торговые... Ремесло у них такое – делают многа хорошева ружья мелкаго, также, сказывают, и пушки льют» [14, с. 30].

О занятиях и мастерстве кубачинцев написано много, и об этом можно было бы продолжить разговор. Но и сказанного в анализируемой работе Я. Рейнеггса достаточно для представления о широкой их деятельности.

Соседом Кайтагского уцмийства был Табасаран. Табасаранцы, писал Я. Рейнеггс, «занимают весьма обширное и плодородное пространство на Южном хребте Кавказа до некоторой высокой и весьма утесистой горы, Шах-Даги (царская гора) называемой» [1, с. 279]. Действительно, Нижний Табасаран, являясь как бы продолжением равнинной части Южного Дагестана, был прекрасной территорией для занятия земледелием. Еще в 1728 г. участник Каспийского похода Петра I майор И.-Г. Гербер писал: «Половина Табасарана, к Дербенту лежащие, имеет хорошие поля и хлебородную землю» [15, с. 104]. А в первой четверти XIX в. участник Персидского похода во главе с ген. В.А. Зубовым в

1796 г. С.М. Броневский писал, что «Северная половина (Табасарана. – Б.А.) изобилует всеми родами произведений, и есть умеренному воздуху и свойству земли приятнейшая сторона» [16, с. 348].

Именно благоприятные естественно-географические и почвенно-климатические условия способствовали хорошему развитию различных отраслей хозяйства в отмеченной части Табасарана. Поэтому и Я. Рейнеггс писал, что у табасаранцев «скот и сады... в великом изобилии» и что сверх того находятся у них во владении множество ключей нефти или горного масла» [1, с. 279]. А перечисляя наиболее крупные, как писал он, «знатнейшие места одного княжества», и останавливаясь на Гименди («Гаименде») Я. Рейнеггс отмечал, что «главное народа упражнение состоит в разводе винограда, хлопчатой бумаги» и что «хлеба родится довольно, также плодоносные леса и обильные пчелиные заводы приносят жителям немалую пользу» [1, с. 279].

В таком состоянии был Табасаран и в последующее время. В 30-е гг. XIX в. русский военный деятель П.Ф. Колоколов, который написал статью о Табасаране, отмечал, что в Нижнем Табасаране «почва плодороднее, и хлебопашество удобнее, и сенокосы удобнее. Кроме посева пшеницы, ячменя и конопли, сеют хлопчатую бумагу, а в некоторых местах табак и мариону» [17, с. 314]. А в конце 40-х гг. XIX в. проф. И.Н. Березин писал, что «долины Табасарана и приморская полоса Дагестана могут питать обширное народонаселение. Господин Неверовский утверждал, что в дагестанских горах нет долин, а я собственными глазами видел огромную долину Табасаранскую, и думаю, что это не единственная в горах долина» [18, с. 86].

Последним Я. Рейнеггс описал «уезд Дербентский», который, как отмечал он, «в западную сторону недалеко простирается, и в 10-ти верстах от Дербента на границах Табасарана уже смешанно лежат деревни обоих сих князей» [1, с. 284]. Конечно, среди других вопросов этого «уезда» он перечисляет и занятия населения. «Земля, – писал он, – весьма плодородна и исключая садов приносит довольно пшена, хлопчатой бумаги, хлеба и шафрану». Жаркий климат в летнее время требовал полива полей, и поэтому большое значение для ведения нормального земледелия имели реки. И зная это, Я. Рейнеггс писал далее: «Кроме рек Рубаса и Керкени (?), орошает все поля большая река Цаммур (Самур. – Б.А.), а к югу в тех местах, где она ослабевает, впадают в нее реки Куссар и Оламма (Ялама. – Б.А.), которые умножают силу ее течения» [1, с. 284]. Продолжая перечислять занятия населения «уезда Дербентской», Я. Рейнеггс писал: «Упражнение жителей составляют шелковые заводы, торговлю и разных родов рукоделия, сверх того делают шелковые и бумажные материи, тафту и платки» [1, с. 284]. Остановился он и на виноградарстве, и в частности отмечал: «К виноградным садам прилагают они довольно старание». Вместе с тем он писал, что «вино их теряет почти всю свою доброту для того (потому. – Б.А.), что они не умеют надлежащим образом [готовить его] и шелковые заводы могли бы быть у них в лучшем состоянии, но оные здесь так же, как и в целом востоке, оставляются на попечении женщин» [1, с. 284].

И завершая описание занятий населения «уезда Дербентского», Я. Рейнеггс, как бы подытоживая все сказанное, писал: «Сия провинция могла бы по справедливости щастливейшею называться, ибо положение ее весьма способно для торговли и плодородие земли обещали ей всю возможную пользу» [1, с. 284].

Действительно, Дербентское ханство, занимая территорию очень благоприятную для занятия различными отраслями сельскохозяйственного производства, являлось наиболее развитой частью Дагестана. Побывавший в Дербенте в конце 60-х гг. XVIII в. академик

С.Г. Гмелин особо обратил внимание на садоводство, виноградарство и огородничество Дербента. «На полуденной (южной. – Б.А.) стороне города вдоль по берегу моря и на северной к усмейским горам, – писал он, – находятся преизрядные дербентские сады», которых «природа ... ущедрила». И далее, продолжая писать о садоводстве, он отмечал: «Плоды, сажаемые в здешних огородах, суть разныя породы самых вкуснейших яблок, груши, айвы, также персики, апрокозы, миндаль, инжир и гранаты. Сии деревья стоят в беспорядочных аллеях, и природных лабиринтах, вместе и порознь и суть чрезвычайно плодоносны» [19, с. 30–32].

Остановившись на огородничестве, Я. Рейнеггс писал и о виноградарстве. «Кроме немногих огородных овощей, – отмечал он, – как то огурцов, капусты и протчего, насажены по большей части в оних виноградныя лозы и различныя плодоносныя деревья». И далее, говоря о виноделии, он писал: «Виноградное вино, которое на турецком и персидском языке чехир, или чахирь, называется, не только имеет хороший вкус, но также нарочито крепко и не скоро портится» [19, с. 31]. Еще участник Каспийского похода Петра I в 1722 г. врач Дж. Бел писал о «виноградных горах» Дербента и виноделии, отметив при этом, что «в восточной части города множество находится виноградень, коих вино может стоять многие годы, когда оная налив во глиняные сосуды, заруют в землю» [20, с. 177].

О развитии в Дербенте садоводства и виноградарства писали и многие авторы конца XVIII – XIX вв. Приведем для убедительности слова участника Персидского похода 1796 г., впоследствии академика П.Г. Буткова. Он писал, что в огородах и садах города, расположенных в «окольных» (окрестностях. – Б.А.) Дербента, «разведены винограды, гранаты, винные ягоды, каштаны, персики, айва, миндаль, армуты, груши, яблоки, сливы, черешня, шелковичные ягоды» (тутовник. – Б.А.) [26, с. 202]. Интерес представляет свидетельство кизлярского коменданта полковника А.И. Ахвердова, писавшего в 1804 г., что дербентский виноград «сам по себе слаще и крупнее всех родов (сортов. – Б.А.) виноградов, так что некоторые ягоды в длину бывают в вершок, кой виноград сохраняемой в домах случалось мне есть в мае месяце» [10, с. 219], т.е. этот сорт винограда можно было хранить даже зимой вплоть до конца весны. По данным за 1810 г. в Дербентском округе было «два огорода овощных», «шесть садов виноградных с виною и чихирною продажею» [22, с. 249]. Ботаник Линдес писал, что с двух сторон Дербента на протяжении трех верст расположены виноградные и фруктовые сады [23, с. 779]. Главком на Кавказе Н.Ф. Ртищев писал в 1813 г., что и «с обеих сторон Дербента до тридцати верст простирающаяся (полоса), и из оной к югу лежащая по большей части занята виноградными садами» [22, с. 250]. Согласно официальным данным, собранным российской администрацией в 30-е гг. XIX в., в Дербенте насчитывалось 860 садов. Армяне из собственного и приобретаемого у мусульман винограда выделывали за 30 000 ведер вина и до 4000 ведер водки [24, с. 176–177].

Что касается шелковых заводов, о которых писал Я. Рейнеггс, то их, по сведениям П.Г. Буткова, в Дербенте было 30, которые им названы «фабриками небольших шелковых материй». Кроме того, здесь было 115 фабрик «для бумажных» [21, с. 202], т.е., как писал Я. Рейнеггс, фабрик, на которых делали «шелковые и бумажныя материи, тафту и платки» [1, с. 284].

Я. Рейнеггс, как видно из приведенных выше его слов, особо не выделял торговлю Дербента, дав ее вместе с другими занятиями. Но известно, что Дербент был самым крупным торговым центром в Дагестане. Об этом говорится во многих работах дагестан-

ских и азербайджанских ученых, и доказывать это нет необходимости. Отметим лишь, что для торговли – продажи своих товаров и приобретения нужных им различных изделий – приезжали в Дербент все народы Дагестана. Здесь они встречались, общались и торговали не только с местными торговцами, но и с иностранными купцами. Как писал еще в первой трети XVIII в. И.-Г. Гербер, «в Дербенте [было] много купецких людей из персиянов, армянов, грузинов и индийцев» [15, с. 86]. Эти купцы торговали не только товарами, производимыми в своих странах, но и приобретенными ими товарами других стран. Поэтому горцы Дагестана имели возможность не только продавать свои товары, изделия ремесла и различные продукты сельского хозяйства, но и приобретать изделия фабрично-заводского производства различных стран.

Хорошо о торговле горцев с Дербентом сказал участник Персидского похода В.А. Зубова, совершенного в 1796 г., т.е. в год издания работы Я. Рейнегса, Ф.Ф. Симонович. «Жители Горного Дагестана, – писал он, – достаченствуя скотоводством, промышляют вообще сукном, коврами, попонами и другими шерстяными тканями, но в таковом рукоделии упражняется женский пол, а мужчины вырабатывают овчинные меха и другие кожи. Все сии рукоделии, равно и шерсть, отпускают в города Дербент и Кубу за хлеб, сарачинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и за деньги. Из сих же городов отправляют уже в Баку мариону, хлопчатую бумагу и хлеб на размен, как-то: на соль, нефть и русские товары, особливо же на железо и разные из онога вещи деланные» [25, с. 139].

Дербент торговал не только с азербайджанскими городами. Широко была развита его торговля и с русскими городами – Кизляром, Астраханью и т.д. В связи со сказанным не лишне привести здесь слова другого участника Персидского похода 1796 г. – П.Г. Буткова, который писал: «Торг дербентский знатнейший в морене, которой до шести тысяч пудов отправляется морем в Астрахань на российских судах и сухопутно в Кизляр. Туда же отправляют несколько шафрану; а в Баку уголья, фрукты, сырыя и сушенныя, доски карагучевыя, шерсть, пшеницу и пшено» [21, с. 202–203].

Для полноты картины торговли Дербента приведем еще слова участника военных действий в Дагестане в 1806–1808 гг. А.А. Кремского. В 1806 г. он писал, что в Дербент из Астрахани на российских судах привозятся «сукна, брусковая краска, консенель, сандал и другие красильные материалы, сахар, нефть, железные, холщевые, шелковые и из металлов сделанные вещи, пища бумага, мягкая рухлядь, съестные припасы и всякий домашний скарб». Эти вещи продавались не только в Дербенте, азербайджанские купцы вывозили их для продажи в Шемаху, Шеки, а дербентские – на своих судах в Гилян [25, с. 234].

Интерес представляют и его сведения, что привозили в Дербент из Азербайджана, в частности из Шемахи, Баку и Тарки. Он писал, что из Шемахи привозили в Дербент «шелк, шелковыя материи, в Шемахе сделанные, как-то: мовидрай, шемандруз, аладжи и тому подобныя; из местечка Тарков и соседних оному мест: морена, кубачинское сукно, бурки, медь, коровье масло, мерлушки, горские сушеные груши, ружья, пистолеты и сабли, в кубачинском селении сделанные; из Баки смола, нефть и соль. А из Дербента вывозятся сухопутно в Кизляр и на российских судах в Астрахань морены до шести тысяч пудов; в Баку: уголья, фрукты, сырые и сушеные, доски карагучевыя, шерсть, пшеница и пшено, собираемые наипаче в окружности Кубинской». Из-за неблагоустроенности порта и пристани Дербента «нередко из Дербента отвозят в Баку, –

писал он, – морену для отправки в Астрахань, а из сего порта уже на судах российских» [26, с. 234].

Таковы сведения Я. Рейнеггса о занятиях населения Дагестана. Как видно из приведенного выше материала, Я. Рейнеггс останавливается на описании феодальных владений Северного, Среднего и Южного Дагестана, занимавших в основном равнинную и отчасти предгорную части. На занятиях населения Дагестана, как и на других вопросах их истории, Я. Рейнеггс и останавливается в своем описании феодальных владений. Сравнительный анализ этих сведений показывает, что народы Дагестана занимались всеми основными отраслями хозяйства, развитость и распространенность которых зависели от естественно-географических и почвенно-климатических условий. В целом же эти сведения говорят о том, что земледелием и скотоводством занимались повсеместно и что они являлись основными отраслями хозяйства в Дагестане. Распространенность и развитость других отраслей, в особенности технических культур (мареноводство, производство шафрана, хлопководство и шелководство), была ограничена определенными частями плоскостного Дагестана, той территорией, где для этого были благоприятные условия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв./ сост., введ., вступит. ст. к текстам и примеч. *В.Г. Гаджиева*. Махачкала, 1992. 304 с.
2. *Буцковский А.М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958 (далее – ИГЭД). С. 239–246.
3. *Еропкин Л.Ф.* Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 121–124.
4. *Güldenstadt J.A.* Reisen durh Russland und in Caucasischen Gebürge. Bd. 1. St.-Ptg, 1787. 535 s.
5. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
6. *Розен Р.Ф.* Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 213–229.
7. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. XI, кн. III. 257 с.
8. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. Вып. 1. 522 с.
9. *Мансуров Ш.М.* Салатавия. (Социально-экономическая и политическая история конца XVIII – первой половины XIX в.). Махачкала, 1995. 252 с.
10. *Ахвердов А.И.* Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 213–229.
11. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. 385 с.
12. *Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Дагестан в XV–XVI вв. (Вопросы исторической географии). Махачкала, 2004. 496 с.
13. *Бакиханов А.-К.* Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
14. *Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 6–59.
15. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 60–120.
16. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I. 362 с.; Ч. 2. 471 с.
17. *Колоколов П.Ф.* Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД. С. 313–318.
18. *Березин И.Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд., доп. Казань, 1850. Ч. 2. 134 с.

19. *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. 3. 336 с.

20. *Бел Дж.* Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испанья, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Ч. 3. 247 с.

21. *Бутков П.Г.* Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 200–208.

22. *Ртищев Н.Ф.* Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 247–251.

23. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1869. Т. II. 1238 с.

24. Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. 4. 405 с.

25. *Симонович Ф.Ф.* Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 138–159.

26. *Кремский А.А.* Выдержки из описания Дербента и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. С. 234–236.

Поступила в редакцию 23.01.2019 г.

Принята к печати 26.03.2019 г.